

БИБЛИОТЕКА ГВА

серия

ИСТОРИЯ

Фридрих ХАЙЕК

КАПИТАЛИЗМ И ИСТОРИКИ

Капитализм и историки. Мифы о Промышленной революции

«Социум»

УДК 330.342.14+94
ББК 65.013.52+63.3(4Вел)52-2

Капитализм и историки. Мифы о Промышленной революции /
«Социум»,

ISBN 978-5-91603-704-3

В книге подробно разбирается, как возник миф о том, что промышленная революция в Англии в конце XVIII – начале XIX в. привела к резкому ухудшению условий жизни рабочих. В статьях Т. С. Эштона и У. И. Хатта исследуются вопросы экономической истории этого периода – статистика уровня жизни городских фабричных рабочих (в т. ч. в сравнении с другими группами трудящихся); в статьях Ф. Хайека, Л. Хэкера, Б. де Жувенеля, Т. С. Эштона изучается роль интеллектуалов в создании общего идеологического климата в обществе и в частности роль историков в формировании общего негативного отношения к капитализму. Русское издание дополнено статьей Хайека «Интеллектуалы и социализм», статьей Л. фон Мизеса «Капитализм» и его же очерком «Антикапиталистическая ментальность».

УДК 330.342.14+94
ББК 65.013.52+63.3(4Вел)52-2

ISBN 978-5-91603-704-3

© Социум

Содержание

Предисловие	5
Предисловие 1	8
Введение	9
Ф. Хайек История и политика	9
Часть I	19
Т. С. Эштон Трактовка капитализма историками	19
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Бертран де Жувенель; Людвиг фон Мизес; Фридрих Хайек; Томас Эштон

Капитализм и историки

Предисловие

По какой причине в наши дни представляется столь полезным издать на русском языке этот сборник статей, составленный Фридрихом Хайеком? Почему современный читатель должен вообще заниматься эпохой так называемого манчестерского капитализма и ее интерпретацией либерально мыслящими экономистами?

Для ответа на эти вопросы есть две причины – одна специфическая, связанная именно с упомянутой выше исторической эпохой, и другая более общего характера, имеющая отношение к вопросу о роли представлений и теорий об исторических процессах. В последующем изложении мы кратко остановимся на первой причине, при этом более подробно рассмотрим вторую.

Представление о так называемом манчестерском капитализме, вплоть до настоящего времени наиболее распространенное на страницах школьных учебников и в общественном сознании в целом ряде стран, включая Россию, имеет мало общего с реальными фактами. Для многих людей и сегодня этот исторический этап ассоциируется с нуждой и обнищанием, с ужасающими условиями труда и эксплуатацией. Прежде всего в социалистических странах такого рода примеры были призваны доказать всю мерзость капиталистического бытия. А поскольку основоположники марксизма основательно изучали социальные процессы своего времени, созданная ими картина общественной жизни была воспринята и воспроизведена без каких-либо сомнений в ее истинности. Это обстоятельство и по сей день оказывает воздействие на восприятие капитализма. Особенно в России, стране, в которой марксистско-ленинская идеология дольше всего безраздельно господствовала в умах большинства граждан.

Изучение статей, собранных в этом сборнике приводит к выводу, что представления, до настоящего времени определявшие идейные позиции многих людей, лишь в малой степени соответствовали реальным порядкам того времени. Условия жизни населения улучшались, хотя, что естественно, с очень низкой отправной точки. До начала эпохи капитализма абсолютное большинство населения в Англии и во многих других странах прозябало в нищете, которую сегодня просто трудно представить. Продолжительность жизни была коротка, а уровень детской смертности чрезвычайно высок.

Все эти показатели стали резко улучшаться. Беспрецедентно выросла покупательная способность широких масс населения. Это отнюдь не означает, что с современной точки зрения люди в то время жили в комфортных условиях. Однако именно такая оценка с позиций сегодняшнего дня порождает проблемы и служит объектом нападков со стороны критиков капитализма. Особая ценность настоящей книги как раз и состоит в том, что она рассматривает тогдашние отношения в контексте своего времени, то есть применительно к реалиям XIX в. Тогда становится очевидным, что в условиях так называемого манчестерского капитализма имело место улучшение, а не ухудшение жизненных условий большинства людей. Один из примечательных побочных аспектов содержания сборника заключается в том, что на различных примерах в нем показано, как меры государственного воздействия замедляли этот прогресс в улучшении жизненных условий.

Теперь о второй причине издания книги на русском языке. Книга призвана внести свой вклад в борьбу против предрассудка, получившего до настоящего времени широкое распро-

странение. Этот предрассудок опасен для всех, кто заинтересован в построении более свободного мира. Его суть можно описать примерно следующим образом: история в своих всеобщих тенденциях развития действительно может представлять интерес, однако отдельные детали этого развития и их оценка играют скорее подчиненную роль. Их изучение вполне можно отдать на откуп специалистам, особенно если речь идет об истории экономики и социальных отношений, а не о сменяющих друг друга политических системах и их лидерах. Такую позицию разделяют многие из активных участников политических и общественных процессов. В том числе и те из них, кто выступает за либеральные, рыночные реформы.

Тем не менее эта позиция ошибочна и опасна для людей, интересующихся политическими процессами и принимающих в них участие. Она игнорирует два фактора: влияние на политику экономических и социальных изменений и то большое значение господствующих в обществе оценок минувших порядков, изменений и их причин, которое они имеют при принятии актуальных политических решений. Общественное мнение во многом основывается на существующих воззрениях на историю. Оценка событий и последствий политических изменений прошлого со знаком «+» или знаком «—» неизбежно накладывает отпечаток на наше настоящее.

В подтверждение этому можно привести как отрицательные, так и положительные примеры. Гиперинфляция в Германии в начале 20-х годов XX столетия привела к тому, что после Второй мировой войны в Германии Центральный банк получил достаточно широкую независимость с целью обеспечения стабильности покупательной стоимости денег. На этом примере можно учиться у истории, поскольку причины этой инфляции были правильно поняты.

Однако существуют и противоположные тенденции. Хотя от последнего финансового кризиса нас отделяет не так много времени, он уже дает нам пример искажения исторических фактов, воздействующий на принятие политических решений. В восприятии широкой общественности и особенно в головах политиков существенные причины кризиса конца первого десятилетия третьего тысячелетия заключались в недостаточном регулировании финансовых рынков, на которых действовали игроки, которые своими крупномасштабными спекулятивными действиями привели экономики целых стран на грань полного краха. Если истина в этом вообще есть, то только самая толика. На самом деле кризису больше всего способствовала политика Центрального банка, направленная на безудержное печатание денег при поддержании слишком низких процентных ставок, а также государственная поддержка кредитования недостаточно надежных заемщиков. Уже сегодня видно, как искаженное восприятие финансового кризиса приводит к последствиям, которые могут спровоцировать гораздо более серьезные потрясения.

В России также можно наблюдать, как представления о ее недавней истории становятся препятствием для дальнейшего развития страны. На фоне всеобщего прославления жизни в СССР часто можно слышать, что в первую очередь перестройка и последующие за ней реформы привели к снижению уровня жизни и снижению экономического потенциала. Это утверждение, за которым стоят определенные интересы, является научно ничем не подкрепленным искажением действительных фактов. Причины экономического упадка плановой системы ведения хозяйства замалчиваются. Игнорируется гигантское разбазаривание ресурсов, обусловленное централизованной плановой экономикой СССР.

В этой области экономистам — сторонникам рынка и историкам экономических учений предстоит еще не мало сделать. Тексты предлагаемого сборника могут дать творческие импульсы этой работе, они ставят много вопросов, которые не потеряли своей актуальности по сей день. В них затрагивается в том числе одна проблема, по которой многие экономисты, или, в более широком контексте, многие интеллектуалы, занимают не слишком привлекательные позиции: речь идет о благосклонном отношении к социалистическим идеям и централизованному планированию, а также к критическому восприятию свободы рынка. Такого рода мнения,

которые в предлагаемом сборнике Л. М. Хакер приписывает американским историкам, можно без труда отыскать в России, — как в ее истории, так и в дискуссиях наших дней. Одна из важных задач заключается в этой связи в том, чтобы противопоставить такого рода воззрениям аналитические материалы на основе либерального мышления.

Одновременно в России можно наблюдать тенденцию, суть которой состоит в том, что многие эксперты делают ставку на широкое управление экономикой со стороны государства, которое должно включать в себя весь спектр: от так называемых стратегических отраслей до сфер инновационного развития. И в этом случае необходимо внимательно изучать реальный опыт применения подобного рода интервенций.

Настоящая книга призвана, наряду со столь важной и в наши дни корректировкой ложных представлений о манчестерском капитализме, одновременно внести свой вклад в то, чтобы не потребовались еще многие десятилетия для появления критической оценки ложных интерпретаций кризисов и других проблем. Это столь же важно для России, как и для других стран мира.

Саша Тамм,
руководитель филиала
Фонда Фридриха Наумана
в России

Предисловие 1

Первые три работы этого издания первоначально были представлены на встрече международной группы экономистов, историков и социологов, которые в течение нескольких лет регулярно собираются для обсуждения проблем защиты свободного общества от тоталитарной угрозы. Одной из тем дискуссии на встрече Общества Мон-Пелерен, проводившейся в Бовалоне (Франция) в сентябре 1951 г., было трактовка капитализма историками. Из четырех работ, послуживших основой дискуссии, текста одной из них, принадлежащей цюрихскому профессору Зильбершмидту, в нашем распоряжении, к сожалению, нет, а также нет стенограммы состоявшегося оживленного обсуждения. Участники дискуссии полагали, что три рукописи следует опубликовать, и предложили для пользы дела объединить их с переизданием некоторых более ранних трудов членов Общества по сходным проблемам. Отвечая за исполнение этого плана, я попытался во «Введении», подчеркивающим то, о чем я узнал из обсуждения, объяснить более широкое значение проблемы, излагаемой на последующих страницах.

Вторая работа профессора Эштона, содержащаяся в настоящем издании, первоначально появилась в «Journal of Economic History» (Supplement IX, 1949), а работа профессора Хатта в журнале «Económica» за март 1926 г. Я должен поблагодарить редакторов и издателей обоих журналов за разрешение переиздать эти статьи.

Ф. Хайек

Введение

Ф. Хайек История и политика

Политические взгляды и точки зрения на исторические события всегда были и должны быть тесно связаны. Прошлый опыт служит основанием, на котором по преимуществу базируются наши убеждения о желательности различных мер экономической политики и институтов, и наши текущие политические взгляды неминуемо затрагивают и окрашивают нашу интерпретацию прошлого. Однако если мысль о том, что человек не извлекает уроков из истории, слишком пессимистична, можно усомниться, всегда ли извлекаемые ими уроки правильны. Хотя источником опыта людей служат события прошлого, их мнения определяются не объективными фактами, а записями и интерпретациями, к которым они имеют доступ. Мало кто станет отрицать, что наши взгляды на благотворность или порочность различных институтов в значительной степени определяются тем, какое, по нашему мнению, воздействие они оказывали в прошлом. Едва ли существуют политический идеал или концепция, которые не затрагивали бы мнения о всей совокупности прошлых событий, и редко когда память о прошлом не служит символом некой политической цели. Однако мнения о событиях истории, которые руководят нами в настоящем, не всегда согласуются с фактами; порой они скорее следствие, чем причина политических убеждений. В формировании взглядов исторические мифы, вероятно, играли столь же значительную роль, что и исторические факты. И все же надеяться извлечь пользу из прошлого опыта можно только в том случае, если факты, из которых мы выводим свои заключения, будут верны.

Таким образом, влияние, которое авторы исторических трудов оказывают на общественное мнение, вероятно, более непосредственно и более обширно, чем влияние авторов политических теорий, выступающих с новыми идеями. Похоже, что даже эти новые идеи, как правило, доходят до широкой аудитории не в абстрактной форме, а в виде интерпретации конкретных событий. Соответственно по сравнению с теоретиком историк по меньшей мере на шаг ближе к прямой власти над общественным мнением. Текущие споры о недавних событиях создают определенную картину или, возможно, несколько различных картин этих событий, которые оказывают влияние на современные дискуссии и на любые разногласия по существу новых проблем, задолго до того, как профессиональный историк возьмется за перо.

Глубокое влияние, которое текущие представления об истории оказывают на политические взгляды, сегодня осознается куда меньше, чем в прошлом. Одна из причин такого положения дел состоит, возможно, в том, что многие современные историки претендуют на то, чтобы заниматься чистой наукой, и на полную свободу от политических пристрастий. Споры нет, первейший долг ученого, поскольку речь идет об историческом исследовании, состоит в установлении фактов. И, конечно же, не существует никакой разумной причины, чтобы историки различных политических воззрений, устанавливая факты, не могли прийти к согласию. Но в самом начале, при принятии решения о том, на какой вопрос нужно искать ответ, на сцену неизбежно выходят индивидуальные ценностные суждения. И более чем сомнительно, возможно ли написать связную историю эпохи или ряда событий без их истолкования в свете не только теорий о взаимной связи социальных процессов, но и о взаимосвязи определенных ценностей – или будет ли такая история достойна чтения. В отличие от исторического исследования историография не только искусство, но и наука; автор, который начнет заниматься ею, не отдавая себе отчета в том, что его задачей является интерпретация [исторических событий] в свете определенных ценностей, преуспеет лишь в самообмане и падет жертвой своих неосознаваемых предрассудков.

Возможно, нет лучшей иллюстрации способа, которым группа историков более столетия формировала политический характер (*ethos*) целой нации (и на протяжении чуть более короткого периода характер большей части западного мира), чем влияние, оказанное «виговской интерпретацией истории» в Англии. Не будет преувеличением сказать, что на каждого, кто был непосредственно знаком с трудами политических философов, основавших либеральную традицию, приходилось 50—100 тех, кто постиг их из работ Генри Хэллама и Томаса Маколея или Джорджа Грота и лорда Актона. Знаменательно, что современный английский историк, который более других старался дискредитировать виговскую традицию, позднее написал: «... те, кто, вероятно, в аскетическом заблуждении юности, желает вытеснить виговскую интерпретацию... расчищают место, которое с человеческой точки зрения не может долго оставаться пустым. Они открывают двери семи бесам, которые именно ввиду своей новизны неизбежно будут хуже, чем эта первая»¹. И, по-прежнему считая «виговскую историю» «неверной», он тем не менее подчеркивает, что она «была одним из наших достояний» и что «она оказала поразительное воздействие на английскую политику»².

Была ли «виговская история» в каком-либо важном смысле неверной историей – вопрос, последнее слово по которому еще, вероятно, не сказано, но который мы не можем здесь обсуждать. Ее благотворное воздействие на формирование чрезвычайно либеральной атмосферы XIX века не подлежит сомнению, и оно проявилось вовсе не в результате искажения фактов. «Виговская история» – преимущественно политическая история, и главные факты, на которых она основана, были общеизвестны. Возможно, не во всем соответствуя современным стандартам исторического исследования, она определенно привила воспитанным на ней поколениям истинное понимание ценности политической свободы, завоеванной для них их предками, и служила им путеводной нитью в деле сохранения этого достижения.

С упадком либерализма виговская интерпретация истории вышла из моды. Но более чем сомнительно, стала ли история оттого, что теперь она заявляет себя как более научная [дисциплина], более надежным и заслуживающим доверия проводником в тех областях, где она оказывала наибольшее влияние на политические взгляды. В самом деле, политическая история утратила большую часть своей власти и притягательности, которыми она обладала в XIX столетии, и вряд ли какой-нибудь исторический труд нашего времени имеет тираж или прямое влияние, сравнимое со, скажем, «Историей Англии» Маколея*. Однако степень, в которой наши текущие политические представления окрашены мнениями (*beliefs*) о событиях истории, ничуть не уменьшилась. Поскольку интерес сместился от политической к социально-экономической сфере, теперь исторические мнения, которые выступают движущими силами, относятся главным образом к мнениям об экономической истории. Вероятно, позволительно говорить о социалистической интерпретации истории, которая господствует в политической мысли последних двух-трех поколений и которая заключается в основном в специфическом взгляде на экономическую историю. В этом взгляде примечательно то, что относительно большинства утверждений, которым он придал статус «всем известных фактов», давно доказано, что они вообще не являются фактами; и все же вне круга профессиональных экономических историков они все еще почти повсеместно признаны как основа для оценки существующего экономического порядка.

Если сказать людям, что их политические убеждения находятся под влиянием того или иного взгляда на экономическую историю, большинство из них ответят, что они никогда не интересовались ею и не прочитали ни одной книги по этому предмету. Это, однако, не означает, что они вместе с остальными не рассматривают в качестве установленных фактов множество легенд, которые в разные времена запускали в обращение авторы трудов по экономиче-

¹ Butterfield, Herbert. The Englishman and His History. Cambridge: Cambridge University Press, 1944. P. 3.

² Ibid. P. 7.

ской истории. Хотя историк и занимает ключевую позицию в косвенном и окольном процессе, посредством которого новые политические идеи доходят до широкой публики, но даже он оказывает воздействие главным образом через цепочку ретрансляторов. Лишь через несколько звеньев нарисованная им картина становится всеобщим достоянием: ведь обычный человек черпает свои представления об истории из романов и газет, кинофильмов и политических речей, а также в школе и из обычных бесед. Но в конечном счете даже те, кто за свою жизнь не прочитал ни одной книги и, вероятно, никогда не слышал имен историков, чьи взгляды повлияли на них, начинают смотреть на прошлое сквозь их очки. Некоторые мнения (например, о развитии и влиянии профсоюзов, о мнимом поступательном росте монополий, о намеренном уничтожении товарных запасов как результате конкуренции – событие, которое в действительности всякий раз, когда оно случалось, всегда было результатом монополии, причем, как правило, монополии, организованной государством, – об утаивании полезных изобретений, о причинах и следствиях «империализма» и о роли индустрии вооружений или «капиталистов» в целом в развязывании войны) стали частью фольклора нашего времени. Большинство людей очень удивились бы, узнав, что большинство их мнений по всем этим предметам вовсе не бесспорно установленные факты, а мифы, запущенные в оборот из политических соображений и затем распространенные вполне добросовестными людьми, чьим общим убеждением они соответствуют. Потребовалось бы несколько книг вроде этой, чтобы показать, что большинство из того, чему верят не только радикалы, но и многие консерваторы, является не историей, а политической легендой. По всем этим вопросам мы здесь можем лишь отослать читателя к нескольким работам, из которых он сможет уяснить для себя текущее состояние знания по наиболее важным из них³.

Существует, однако, один самый главный миф, который больше, чем любой другой, послужил дискредитации экономической системы, которой мы обязаны цивилизацией наших дней, исследованию которого посвящена эта книга. Это легенда об ухудшении положения трудящихся вследствие подъема «капитализма» («мануфактурного производства» или «индустриальной системы»). Кто не слышал об «ужасах раннего капитализма», кто не был впечатлен тем, что возникновение этой системы принесло бесчисленные новые муки широким массам трудящихся, которые прежде жили в сносном довольстве и достатке? Мы можем оправданно плохо думать о системе, которую обвиняют в том, что она хоть бы и временно ухудшила положение беднейших и самых многочисленных классов народонаселения. Всеобщее эмоциональное неприятие «капитализма» тесно связано с верой в то, что неоспоримый рост богатства, вызванный конкурентной системой, был куплен ценой снижения уровня жизни самых слабых членов общества.

Именно эту точку зрения одно время широко пропагандировали экономические историки. Более тщательное исследование фактов привело, однако, к полному опровержению этого взгляда на события того периода. И все же спустя поколение после разрешения этого спора общественное мнение все еще продолжает почитать за истину прежний взгляд. Как он вообще возник и почему продолжает определять общие представления спустя долгое время после того, как был опровергнут, – две эти проблемы заслуживают серьезного рассмотрения.

Подобные взгляды нередко встречаются не только в политической литературе, враждебной капитализму, но даже в сочинениях, которые в целом сочувствуют политической тради-

³ См.: *George, M. Dorothy*. The Combination Laws Reconsidered // *Economic History* (supplement to the *Economic Journal*). Vol. I (May, 1927). P. 214–228; *Hutt W. H.* The Theory of Collective Bargaining. London: P. S. King & Son, 1930; *Hutt W. H.* The Economists and the Public. London: J. Cape, 1936; *Robbins L. C.* The Economic Basis of Class Conflict. London: Macmillan & Co., 1939; *Robbins L. C.* The Economic Causes of War. London: J. Cape, 1939; *Sulzbach, Walter*. «Capitalistic Warmongers»: A Modern Superstition / Public Policy Pamphlets. No. 35. Chicago: University of Chicago Press, 1942; *Stigler G. J.* Competition in the United States // *Stigler G. J.* Five Lectures on Economic Problems. London and New York: Longmans, Green & Co., 1949; *Nutter, G. Warren*. The Extent of Enterprise Monopoly in the United States, 1899–1939. Chicago: University of Chicago Press, 1951; и по большинству этих проблем труды Людвиг фон Мизеса, особенно «Социализм» (М.: Catalaxy, 1994).

ции XIX столетия. Хорошим примером может служить следующий отрывок из пользующейся заслуженным уважением «Истории европейского либерализма» Руджиеро: «Таким образом, положение трудящегося изменилось к худшему именно в период наиболее интенсивного промышленного роста. Рабочий день длился сверх всякой меры; работа на фабриках женщин и детей понизила ставки заработной платы; напряженная конкуренция между самими трудящимися, не привязанными больше к своим округам, но свободными переезжать и собираться там, где они были нужны более всего, еще больше удешевляла труд, предлагаемый ими на рынке; многочисленные и частые промышленные кризисы, неизбежные в период экономического роста, когда население и потребление еще не стабилизировались, время от времени расширяли ряды безработных – резервные армии голодающих»⁴.

Это утверждение было необоснованным даже в момент его появления двадцать пять лет назад. Спустя год после его первой публикации самый выдающийся исследователь экономической истории, сэр Джон Клэпхем, справедливо жаловался: «Легенда о том, что положение трудящегося ухудшалось, вплоть до некой неясной даты между Народной Хартией и Великой выставкой*, удивительно живуча. Тот факт, что после падения цен в 1820–1821 гг. покупательная сила заработной платы в целом – разумеется, не всякой заработной платы – была определенно выше, чем перед Войной за независимость в США и наполеоновскими войнами, настолько противоречит традиции, что упоминается крайне редко, и социальные историки постоянно пренебрегают трудами специалистов по статистике заработной платы и цен»⁵.

Если говорить об общественном мнении, ситуация сегодня едва ли лучше, хотя факты вынуждены были признать даже большинство тех, кто в основном несет ответственность за распространение противоположного мнения. Мало кто сделал больше, чем мистер и миссис Хэммонды, для создания веры в то, что начало XIX столетия было временем, когда положение рабочего класса стало особенно плохим; их книги часто цитируют, чтобы проиллюстрировать это ухудшение. Но к концу жизни они искренне признали, что «статистики говорят нам, что, упорядочивая такие данные по мере их обнаружения, они убеждаются в том, что заработки выросли и что большинство людей были менее бедны в то время, когда это недовольство было громким и резким, чем они были, когда XVIII столетие начинало клониться к старости в безмолвии, подобном осенней тиши. Свидетельства тому, разумеется, скудны, и их интерпретация не слишком проста, но этот общий взгляд, вероятно, более или менее верен»⁶.

Этого оказалось недостаточно для изменения общего воздействия их трудов на общественное мнение. Например, в одном из новейших исследований истории западной политической традиции, все еще можно прочесть, что «однако, подобно всем великим социальным экспериментам, изобретение рынка труда обошлось дорого. Оно сопровождалось, прежде всего, быстрым и резким снижением материального уровня жизни трудящихся классов»⁷.

Дальше я собирался сказать о том, что популярная литература, за малым исключением, представляет одну лишь эту точку зрения, и как нельзя кстати в мои руки попала последняя книга Бертрана Рассела, в которой он, будто подтверждая это, со всей обходительностью заявляет: «Промышленная революция причинила невыразимые страдания и в Англии, и в Америке. Не думаю, что кто-либо из изучающих экономическую историю усомнится в том, что средний уровень счастья в Англии начала XIX в. был ниже, чем ста годами ранее, и что это произошло почти исключительно из-за научных технических приемов»⁸.

⁴ *Ruggiero, Guido de. Storia del liberalismo europeo. Bari, 1925; The History of European Liberalism / trans. R. G. Collingwood. London: Oxford University Press, 1927. P. 47, esp. P. 85.* Любопытно, что Руджиеро, кажется, берет свои факты в основном у другого якобы либерального историка Эли Халеви, хотя Халеви никогда не высказывал их так резко.

⁵ *Clapham J. H. An Economic History of Modern Britain. Cambridge, 1926. Vol. I. P. 7.*

⁶ *Hammond, J. L. and Barbara. The Bleak Age. (1934) Rev. ed. London: Pelican Books, 1947. P. 15.*

⁷ *Watkins, Frederick. The Political Tradition of the West. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1948. P. 213.*

⁸ *Russell, Bertrand. The Impact of Science on Society. New York: Columbia University Press, 1951. P. 19–20.*

Вряд ли можно винить интересующегося обывателя за доверие столь категорическому утверждению автора такого ранга. Если в это верит Бертран Рассел, не следует удивляться тому, что версии экономической истории, распространяемые сегодня в сотнях и тысячах томов карманных изданий, популяризуют все тот же старый миф. И столь же редким исключением является встреча с историческими романами, которые обходятся без драматического оттенка, привносимого рассказом о внезапном ухудшении положения широких слоев трудящихся.

Обывателю не слишком интересна истинная, несенсационная история медленного и неравномерного развития рабочего класса, которое, как нам теперь известно, имело место. Это не то, чего он привык ожидать от обычного положения дел; ему едва ли приходит на ум, что этот прогресс ни в коем случае не является неизбежным, что ему предшествовали века фактического застоя в положении беднейших слоев населения и что к ожиданию постоянного улучшения мы пришли лишь в результате опыта нескольких поколений с системой, которая, как он полагает до сих пор, является причиной страданий бедных.

Воздействие современной промышленности на трудящиеся классы почти всегда обсуждается на основе исторических данных, относящихся к Англии первой половины XIX в.; однако великие изменения, на которые ссылаются эти исследования, начались гораздо раньше; к тому времени они имели долгую историю и распространились далеко за пределы Англии. Свобода экономической деятельности, которая в Англии оказалась столь благоприятной для быстрого роста благосостояния, поначалу была, вероятно, почти случайным побочным продуктом ограничений, которые революция XVII столетия наложила на полномочия правительства; лишь после того, как благотворные эффекты этой свободы стали заметны, экономисты принялись объяснять эту связь и выступать за снятие оставшихся барьеров для свободы предпринимательства. Разговоры о «капитализме» как о новой, совершенно иной системе, вдруг возникшей в конце XVIII в., во многих отношениях вводят в заблуждение; мы используем здесь этот термин лишь как наиболее привычный, крайне неохотно, так как его современные коннотации в значительной степени созданы той самой социалистической интерпретацией экономической истории, о которой я упоминал выше. Этот термин особенно обманчив, когда, как это часто бывает, он связан с идеей появления неимущего пролетариата, который посредством некоего окольного процесса оказался лишен его законной собственности на орудия труда.

Действительная история связи между капитализмом и появлением пролетариата почти противоположна той, которую предлагают теории экспроприации масс. Истина заключается в том, что на протяжении большей части истории для большинства людей владение орудиями труда было важнейшим условием для выживания или по крайней мере для того, чтобы прокормить семью. Число тех, кто был способен содержать себя работой на других, не обладая необходимыми орудиями, ограничивалось незначительной долей населения. Количество пахотной земли и орудий, передающихся из поколения в поколение, ограничивало общее число тех, кто мог выжить. Остаться без орудий труда в большинстве случаев означало голодную смерть или по меньшей мере невозможность оставления потомства. В условиях, когда преимущество от труда добавочных рабочих рук ограничивалось главным образом теми случаями, когда разделение задач увеличивало эффективность труда собственника инструментов, одно поколение имело мало стимулов и возможностей скопить добавочные орудия, которые сделали бы возможным выживание большего числа людей следующего поколения. Лишь после того, как более широкие выгоды от применения машин предоставили и средства, и возможности для инвестирования в них, люди в прошлом, бывшие частью периодически возникавшего избытка населения, обреченного на раннюю смерть, получили растущие шансы на выживание. Цифры, остававшиеся фактически постоянными на протяжении многих столетий, начали быстро расти. Пролетариат, так сказать, «созданный» капитализмом, был, следовательно, не долей населения, которая существовала бы и без него и которая была низведена на более низкий уровень; пролетариат был добавочным населением, которое получило возможность вырасти благодаря

предоставленным капитализмом новым возможностям занятости. В той мере, в какой верно то, что рост капитала сделал возможным появление пролетариата, это произошло в том смысле, что капитал повысил производительность труда, позволив тем людям, которых родители не снабдили необходимыми орудиями, содержать себя исключительно своей рабочей силой; но прежде чем позволить выжить тем, кто позднее заявил право на долю в собственности на капитал, сначала этот капитал нужно было предоставить. И все же это был первый случай в истории, когда одна группа людей решила, что в ее интересах использовать значительную часть своих доходов – хотя и определенно не из благотворительных побуждений, – чтобы предоставить новые орудия производства, которыми будут работать те, кто без них не смог бы добыть средства к существованию.

Статистические данные рассказывают живую повесть о воздействии подъема современной промышленности на рост населения. Сейчас речь не о том, что эта повесть в значительной мере противоречит общей убежденности в пагубном воздействии фабричной системы на широкие массы. Нет нужды особо останавливаться и на том факте, что до тех пор, пока рост числа тех, чья производительность достигала определенного уровня, приводил к точно такому же росту населения, уровень жизни беднейших слоев нельзя было существенно улучшить, как бы ни рос при этом средний уровень. Интересующий нас момент состоит в том, что этот рост населения, и особенно фабричного населения, происходил в Англии на протяжении по крайней мере двух-трех поколений до того периода, в котором, как утверждается, положение рабочих серьезно ухудшилось.

Период, о котором идет речь, является также временем, когда проблема положения рабочего класса впервые стала вызывать всеобщую озабоченность. И мнения некоторых современников действительно стали основным источником нынешних взглядов. Наш первый вопрос поэтому должен звучать так: каким образом мнение, противоположное фактам, получило столь широкое распространение среди живущих в то время людей?

Одной из главных причин была, по всей видимости, растущая осведомленность о фактах, которые прежде проходили незамеченными. Сам рост богатства и благосостояния, который был достигнут, повысил стандарты и устремления. То, что веками представлялось естественным и неизбежным положением или даже, исходя из прошлого, улучшением, стало восприниматься как несовместимое с возможностями, которые, по-видимому, предлагала новая эпоха. Экономические страдания и стали более заметными, и представлялись менее оправданными, так как общее богатство росло быстрее, чем когда-либо прежде. Но это, конечно, не доказывает того, что людям, чья судьба вызвала возмущение и тревогу, приходилось хуже, чем их родителям и родителям их родителей. Несмотря на то что все указывало на существование безысходной нищеты, нет ни одного свидетельства, что эта нищета была ужаснее или по крайней мере такой же, как прежде. Скопления множества дешевых домов промышленных рабочих были, вероятно, более уродливы, чем живописные коттеджи, в которых жили некоторые сельскохозяйственные рабочие или прислуга; и они, разумеется, больше тревожили землевладельца или городского патриция, чем бедняки, разбросанные по сельской местности. Но для тех, кто переехал из деревни в город, это означало улучшение; и даже при том, что быстрый рост промышленных центров создавал санитарные проблемы, справляться с которыми люди все еще учились медленно и мучительно, статистические данные оставляют мало сомнений в том, что даже здоровью населения это скорее в целом принесло пользу, нежели вред⁹.

Однако для объяснения смены оптимистического взгляда на индустриализацию пессимистическим куда более важным, чем это пробуждение общественной совести, был, вероятно, тот факт, что процесс перемены мнений начался не в промышленных районах, где люди обла-

⁹ Ср.: Buer M. C. Health, Wealth and Population in the Early Days of the Industrial Revolution. London: G. Routledge & Sons, 1926.

дали непосредственным знанием о происходящем, а в политических дискуссиях английской столицы, которая находилась на некотором удалении от развития событий и мало участвовала в них. Очевидно, что вера в «ужасающие» условия проживания в промышленных поселениях центральных и северных графств Англии в 1830—1840-х годах широко поддерживалась среди высших классов Лондона и юга страны. Это был один из главных аргументов, посредством которых класс землевладельцев отражал атаку промышленников, противостоя агитации последних против «хлебных законов» и за свободную торговлю. И именно из этих аргументов консервативной прессы радикальная интеллигенция того времени, обладая малыми познаниями о промышленных районах, извлекла свои взгляды, которым было суждено стать шаблоном оружием политической пропаганды.

Эту позицию, к которой восходят даже в наши дни взгляды на влияние промышленной системы на трудящиеся классы, хорошо иллюстрирует письмо, написанное лондонской дамой, миссис Кук Тейлор, после того, как она впервые посетила некоторые промышленные районы Ланкашира. Ее оценка обнаруженных там условий предваряется некоторыми замечаниями об общем состоянии лондонского мнения: «Мне нет нужды напоминать вам о появляющихся в газетах утверждениях относительно жалких условий работников и тирании их хозяев, которые произвели на меня такое впечатление, что я с неохотой согласилась ехать в Ланкашир; действительно, эти неверные представления широко распространены, и люди верят им, сами не зная отчего и по какой причине. Вот пример: прямо перед поездкой я присутствовала на большом званом обеде в западной части города и сидела рядом с джентльменом, которого считают очень умным и интеллигентным. В ходе беседы я упомянула, что еду в Ланкашир. Он посмотрел на меня и спросил: что, ради бога, ведет вас туда? И сказал, что он скорее решил бы отправиться в Сент-Джайлс*; что Ланкашир ужасное место – повсюду фабрики; что люди от голода, притеснений и непосильного труда почти не похожи на людей; а владельцы фабрик – жирное, изнеженное племя, кормящееся человеческими внутренностями. Сказав, что такое положение ужасно, я спросила, где он видел такую нужду. Он ответил, что никогда не видел промышленных районов и никогда *не захочет их видеть*. Этот джентльмен был один из множества людей, которые распространяют слухи, не беря на себя труд проверить, правдивы они или ложны»¹⁰.

Подробное описание миссис Кук Тейлор удовлетворительного состояния дел, которое она, к своему удивлению, обнаружила, заканчивается замечанием: «Теперь, когда я видела фабричный народ на работе, в их коттеджах и в их школах, я пребываю в абсолютном недоумении и не могу объяснить протеста, направленного против них. Они лучше одеты, лучше питаются и лучше себя ведут, чем множество других классов трудящихся»¹¹.

Но даже если в то время мнение, которое было позднее принято историками, громко озвучивала одна из сторон, требует объяснения, почему взгляды одной партии современников – не радикалов или либералов, а тори – стали практически не подвергаемой сомнению позицией экономических историков второй половины столетия. Причина этого, как представляется, в том, что новый интерес к экономической истории был сам по себе тесно связан с увлечением социализмом и что большая часть тех, кто посвятил себя изучению экономической истории, склонялась к социализму.

Дело не просто в том, что предложенная Карлом Марксом «материалистическая интерпретация истории» придала сильный импульс изучению экономической истории; практически все социалистические школы придерживались философии истории, предназначенной для того, чтобы показать относительный характер различных экономических институтов или необходи-

¹⁰ Это письмо цитируется в: *Reuben. A Brief History of the Rise and Progress of the Anti-Corn-Law League*. London, 1845. Миссис Кук Тейлор, которая, по-видимому, была супругой радикала д-ра Кука Тейлора, посетила фабрику Генри Эшуорта в Тертоне, неподалеку от Болтона, тогда еще сельского района и потому, вероятно, более привлекательного, чем некоторые городские промышленные районы.

¹¹ Ibid.

мость последовательной смены разных экономических систем во времени. Все они пытались доказать, что атакуемая ими система частной собственности на средства производства была извращением ранней и более естественной системы общественной собственности; и поскольку теоретические предубеждения постулировали пагубность капитализма для трудящихся классов, нет ничего удивительного в том, что они нашли то, что искали.

Но не только те, кто сознательно сделал изучение экономической истории инструментом политической агитации, – что можно сказать о целом ряде авторов, от Маркса и Энгельса до Зомбарта, а также Сиднея и Беатрисы Веббов, – но и множество ученых, которые искренне полагали, что они подходят к фактам без предубеждения, произвели на свет результаты, которые едва ли менее тенденциозны. Так получалось отчасти из-за того, что используемый ими «исторический подход» был разработан непосредственно в ответ на теоретический анализ классической политэкономии, так как вердикт последней по поводу популярных мер излечения социальных болезней зачастую был неблагоприятным¹². Не случайно самая большая и самая влиятельная группа исследователей экономической истории за шестьдесят лет, предшествовавших Первой мировой войне, т. е. немецкая историческая школа, гордилась именем «катедер-социалисты» (*Kathedersozialisten*); и не случайно их духовные преемники, американские «институционалисты», по воззрениям были преимущественно социалистами. Вся атмосфера этих школ была такова, что молодому ученому требовалась исключительная независимость ума, чтобы не поддаться давлению академического мнения. Ничего не боялись так сильно и ничто не было столь фатальным для академической карьеры, как упрек в «апологетике» капиталистической системы; и даже если ученый пытался оспаривать господствующее мнение по частному вопросу, то, чтобы оградить себя от подобных обвинений, он присоединялся к всеобщему осуждению капиталистической системы¹³. Истинно научным тогда считалось рассматривать существующий экономический порядок просто как «историческую стадию» и уметь из «законов исторического развития» предсказать появление лучшей системы в будущем.

В ошибочной интерпретации фактов ранними экономическими историками по большей части прямо прослеживается искреннее стремление смотреть на эти факты без всяких теоретических предубеждений. Идея о том, что можно проследить причинные связи любых событий, не применяя теорию, или о том, что такая теория появится автоматически, из накопленных в достаточном объеме фактов, является очевидно иллюзорной. В частности, сложность социальных событий такова, что отсутствие инструментов анализа, предоставляемых систематической теорией, почти всякий раз ведет к неверному истолкованию этих событий, и те, кто избегает осознанного использования явных и проверенных рациональных аргументов, обычно становятся попросту жертвами популярных мнений своего времени. Здравый смысл – ненадежный проводник в этой области, и объяснения, которые кажутся «очевидными», зачастую представляют собой не более чем общепринятые предрассудки. Может показаться очевидным, что механизация труда в целом сокращает спрос на рабочую силу. Но настойчивые попытки добраться до сути проблемы показывают, что это мнение – результат логической ошибки, заключающейся в подчеркивании одного последствия рассматриваемых изменений и игнорировании других. При этом факты также не подтверждают это мнение. И все же весьма вероятно, что любой, кто полагает их истинными, обнаружит исторические свидетельства, якобы

¹² В качестве характерной иллюстрации общего отношения этой школы можно процитировать характерное заявление одного из ее самых известных представителей, Адольфа Хельда. Согласно Хельду, именно в руках Давида Рикардо «ортодоксальная экономическая теория стала послушным слугой исключительных интересов мобильного капитала», а его теория ренты «попросту продиктована ненавистью финансового капиталиста к землевладельцам» (*Zwei Bücher zur sozialen Geschichte Englands*. Leipzig: Duncker & Humblot, 1881. P. 178).

¹³ Ценное суждение о политической атмосфере, преобладающей среди экономистов немецкой исторической школы, можно обнаружить в: *Pohle, Ludwig*. Die gegenwärtige Krise in der deutschen Volkswirtschaftslehre. Leipzig, 1911.

подтверждающие эти мнения. В начале XIX столетия достаточно легко найти примеры крайней нищеты и вывести заключение, что они, должно быть, являются следствием внедрения машин, не задаваясь вопросом: а были ли прежние условия хоть чем-то лучше и не были ли они даже хуже? Или, например, кто-то может полагать, что рост производства должен привести к невозможности продать все произведенное и, обнаружив застой в продажах, счесть его подтверждением этих своих ожиданий, при том что имеется ряд более правдоподобных объяснений, нежели общее «перепроизводство» или «недопотребление».

Несомненно, многие из этих ошибочных представлений были предложены вполне добросовестно, и нет никаких причин не уважать мотивы некоторых из тех, кто рисовал страдания бедных в самых черных красках для того, чтобы пробудить общественную совесть. Подобная агитация заставила посмотреть в лицо неприятным фактам тех, кто был расположен к этому наименее всего, а также способствовала ряду прекраснейших и великодушнейших актов государственной политики – от освобождения рабов и отмены налогов на импортное продовольствие до ликвидации злоупотреблений и разрушения множества укоренившихся монополий. Конечно, следует помнить, насколько было несчастно большинство людей всего 100–150 лет назад. Но все это осталось в прошлом, и мы не должны позволять, чтобы искажение фактов, даже если это делается из гуманитарного рвения, оказывало влияние на наши взгляды о том, чем мы обязаны системе, которая впервые в истории позволила людям почувствовать то, что бедность можно преодолеть. Сами требования и стремления трудящихся классов были и остаются следствием кардинального улучшения их положения, которое принес капитализм. Несомненно, развитие свободы предпринимательства лишило привилегированного положения большое число людей, обеспечивавших себе доходы и комфортное существование, препятствуя другим делать лучше то, за что они сами получали деньги. Возможно, были и другие основания, по которым некоторые могли сокрушаться о развитии современного индустриализма; оно, несомненно, угрожало определенным эстетическим и моральным ценностям, которым привилегированные высшие классы придавали огромную важность. Некоторые могли бы даже усомниться в том, был ли благом быстрый рост населения, или, иными словами, снижение детской смертности. Но если считать критерием влияние на уровень жизни широких слоев трудящихся классов, то этот показатель, без сомнения, демонстрировал общую тенденцию к повышению.

Признание этого факта учеными должно было дожидаться прихода поколения экономических историков, которые больше не считали себя оппонентами экономической теории и не намеревались доказывать неправоту экономистов, а напротив, сами были квалифицированными экономистами, посвятившими себя изучению экономического развития. И все же результаты, которые современные экономические историки в целом обосновали поколение тому назад, до сих пор мало признаны вне профессиональных кругов. Процесс, посредством которого результаты научных исследований в конце концов становятся всеобщим достоянием, в этом случае протекал медленнее обычного¹⁴. Интеллектуалы обычно быстро подхватывают результаты, которые хорошо вписываются в их общую картину мира; а здесь, напротив, данные науки противоречили общим предубеждениям интеллектуалов. Однако, если верна наша оценка того первостепенного влияния, которое ошибочные представления оказывают на политические взгляды, самое время, чтобы истина наконец заменила легенду, которая так долго правила общественным мнением. Именно убежденность в том, что этот пересмотр давно назрел, и привела к тому, что эта тема была поставлена в программу очередной встречи [общества Мон-Пелерен], на которой были представлены первые три из содержащихся в книге статей, а затем и к решению, что их следует сделать доступными широкой публике.

¹⁴ Об этом см. мою статью: *Hayek. The Intellectuals and Socialism* // *University of Chicago Law Review*. Vol. XVI (1949).

Признание того, что рабочий класс в целом выиграл от подъема современной промышленности, конечно, полностью совместимо с тем, что некоторые индивиды или группы этого, а также других классов какое-то время, возможно, страдали от последствий этого подъема. В новых условиях резко ускорился темп изменений, и быстрый рост богатства был преимущественно результатом возросшей скорости адаптации к этим изменениям. В тех сферах, где набирает силу мобильность высококонкурентного рынка, расширение диапазона возможностей с лихвой компенсирует возросшую нестабильность конкретных рабочих мест. Но распространение нового порядка было постепенным и неравномерным. Оставались и по сей день остаются районы, которые, будучи полностью предоставлены превратностям рынков своих продуктов, слишком изолированы, чтобы значительно выиграть от возможностей, которые рынок открыл в другом месте. Широко известны различные случаи упадка старых ремесел, которые были вытеснены механическим процессом (классический пример, который всегда приводится, – судьба ткачей, работавших на ручных ткацких станках). Но даже здесь крайне сомнительно, сопоставима ли величина причиненных страданий с теми бедствиями, которые обычно следовали в том или ином регионе за рядом неурожайных лет, до того как капитализм значительно увеличил мобильность товаров и капитала. Упадок малой группы среди процветающего сообщества, вероятно, сильнее ощущался как несправедливость и проблема по сравнению с общими страданиями прежних времен, которые рассматривались как злой рок.

Выявление истинных источников недовольства, а тем более поиск способа их устранения, насколько это вообще возможно, предполагает лучшее понимание работы рыночной системы, чем то, которым обладало большинство историков в прошлом. Многие из того, в чем обвиняли капиталистическую систему, на деле есть результат пережитков докапиталистических отношений или их оживления: монополистических элементов, которые были либо прямым результатом непродуманных действий государства, либо следствием неспособности понять, что гладкое функционирование конкурентного порядка требует соответствующих правовых рамок. Мы уже упоминали некоторые из свойств и тенденций, вину за которые обычно возлагают на капитализм, но которые в действительности были следствием препятствий, специально созданных для того, чтобы воспрепятствовать работе его базового механизма; однако вопрос о том, почему и в какой мере монополия вмешивалась в благотворное действие этого механизма, слишком большая проблема, чтобы пытаться говорить о ней здесь подробнее.

Настоящее введение предназначено лишь для того, чтобы охарактеризовать общую обстановку, на фоне которой следует воспринимать обсуждение более конкретных вопросов, затрагиваемых в упомянутых выше статьях. Поскольку во введении мне неизбежно приходилось оперировать общими утверждениями, я надеюсь, что предлагаемые ниже специальные исследования восполняют этот недостаток конкретным рассмотрением частных проблем. Они покрывают лишь часть более широкой темы, так как их цель – обеспечить фактическую базу для дальнейшего обсуждения. Из трех взаимосвязанных вопросов, – каковы были факты? как историки представили их? почему именно так? – они отвечают преимущественно на первый, и (в основном неявно) на второй. Лишь работа г-на де Жувенеля, которая поэтому несколько выпадает из общего ряда, обращается в основном к третьему вопросу и, таким образом, поднимает проблемы, которые заходят даже за пределы вопросов, которые очерчены здесь.

Часть I

Т. С. Эштон Трактовка капитализма историками

Моя должность заведующего кафедрой экономической истории в Лондонском университете означает, что во время отпуска я, вместо того чтобы отдыхать душой и телом или, например, заниматься наукой, читаю экзаменационные работы, написанные не только моими собственными студентами, но и парой сотен юношей и девушек со всех концов Британии, да и вообще со всех самых удаленных концов земли. Положение незавидное. Но, по крайней мере, это дает мне право уверенно говорить о том, что думают на тему нашего экономического прошлого люди, которые в скором времени займут ключевые позиции в промышленности, торговле, журналистике, политике и администрации и в результате станут играть важную роль в формировании так называемого общественного мнения.

Азбучной истиной является тот факт, что на мнение человека о политике и экономике так же сильно влияет опыт предшествующего поколения, как и его личные потребности. На вопрос Лайонела Роббинса, о том, что именно на их взгляд является основной проблемой сегодняшнего дня, большинство студентов Лондонской школы экономики ответили: «Сохранить рабочее место». После десятилетия полной или даже слишком высокой занятости населения в стране тень 1930-х годов все еще скрывает от многих подлинные проблемы послевоенной Англии. Однако есть и еще более грозная тень, которая нависла над действительностью и омрачает многие умы. Эта тень – бедствия рабочих, мнимые или реальные, живших и умерших столетие тому назад. Судя по большей части письменных работ, которые мне пришлось прочесть, в английской истории, начиная примерно с 1760 г. и до установления «государства благосостояния» в 1945 г., не было ничего, кроме угнетения народа и изнурительного труда. Если верить этим рефератам, экономические факторы представляют собой воплощенное зло. Каждое изобретение, направленное на сокращение трудозатрат, приводит лишь к утрате навыков ручной работы и увеличению безработицы. Всем хорошо известно, что, когда растут цены, зарплаты не успевают повышаться и, следовательно, уровень жизни рабочих падает. Но что если цены падают? Всем должно быть так же хорошо известно, что это приводит к спаду в промышленности и торговле, к падению зарплат и безработице и в конечном счете опять же к понижению уровня жизни рабочих.

Современная молодежь склонна к меланхолии. Словно библейская Рахиль, она отказывается от утешения. И все же мне кажется, что в этом виноват не только свойственный молодежи пессимизм. Студенты ходят на лекции и читают учебники, и было бы неразумно не обращать внимания на то, что они слышат и читают. Многое из того, что они пишут в своих рефератах, даже слишком многое, это буквальное воспроизведение услышанных или прочитанных ими вещей. И отвечать за это должен профессиональный историк экономики.

Исследователям, изучающим историю экономики Англии, сильно повезло, так как в их распоряжении находится целый цикл докладов Королевских комиссий и Комитетов по исследованию, созданных в XVIII в. и достигших пика своей деятельности в 30-е, 40-е и 50-е годы XIX в. Эти доклады – одно из славных достижений викторианской эпохи. Они олицетворяли пробуждение совести общества, его реакцию на бедственную ситуацию, которой больше не наблюдалось ни в один период истории ни в одной стране. В этих фолиантах содержались статистические и нарративные данные, которые свидетельствовали о плачевном положении значительной части населения и убеждали законодателей и читающую публику в необходимости реформ. Историкам последующих поколений не оставалось ничего иного, как использовать результаты их исследований. Таким образом, ученые выиграли не меньше, чем обще-

ство. Однако в этой ситуации были и отрицательные черты. Представление об экономической системе, сложившееся по «Синим книгам», описывающим социальные бедствия, а не нормальные процессы экономического развития, не могли не быть односторонними. Это представление о раннем викторианском обществе утвердилось в головах популярных писателей и воспроизводится постоянно в работах моих студентов. Тщательное изучение этих докладов привело бы к пониманию того, что многие бедствия являлись результатом действия старых законов, обычаев, привычек и форм организации, которые к тому моменту безнадежно устарели. Стало бы очевидным, что самый низкий заработок был не у рабочих на фабриках, а у домашней прислуги, чьи традиции и методы работы не менялись с XVIII в.; что наихудшие условия работы были не на крупных предприятиях, использующих паровую энергию, а в чердачных и подвальных цехах; что ограничения личной свободы и недостатки бартерной системы больше всего ощущалось не в растущих промышленных городках и развивающихся угольных месторождениях, а в отдаленных деревнях и сельской местности. Но лишь у немногих нашлось терпение тщательно изучить эти тома. Гораздо проще было выдернуть наиболее сенсационные свидетельства бедственного положения рабочих и превратить их в драматическую историю эксплуатации. В результате поколение, имевшее смелость и трудолюбие для того, чтобы собрать факты, обладавшее честностью, чтобы их опубликовать, и энергией, чтобы приступить к реформам, подверглось поношению и оскорблениям как авторы не «Синих книг», а вообще всех бедствий их времени. Условия труда на фабриках и условия жизни в фабричных городах были настолько скверными, что всем казалось, что раньше они были лучше и потом очевидно ухудшились; и, поскольку это предполагаемое ухудшение наступило в то время, когда все больше начали использовать машинное оборудование, во всех грехах обвинили владельцев механических агрегатов и сами машины.

В то же время возрождение романтической традиции в литературе способствовало идиллическому видению жизни. Чем больше людей избегали «проклятия Адама», или, как нынче говорят, «отдалялись от почвы», тем большее распространение получала идея о том, что сельский труд – единственная естественная и полезная деятельность. Год назад один студент на экзамене, сделав глубокое замечание о том, что «несколько столетий назад в Англии было распространено земледелие», с грустью добавил: «Но сегодня им занимаются только в сельской местности». В другом случае была похожая идеализация условий труда слуг, которые сделали только первый шаг в отдалении от почвы. Мне бы хотелось зачитать вам некоторые пассажи из Фридриха Энгельса (обычно считающегося реалистом), которыми начинается его работа «Положение рабочего класса в Англии». Естественно, она основана на труде преподавателя Филиппа Гаскелла, чья серьезность и честность не подлежат никакому сомнению, но чьи обширные познания не включают в себя историю. Книга Энгельса начинается следующим утверждением: «История рабочего класса в Англии начинается с изобретения паровой машины и машин для обработки хлопка». До этого, продолжает он, «рабочие вели растительное и уютное существование, жили честно и спокойно, в мире и почете, и материальное их положение было значительно лучше положения их потомков; им не приходилось переутомляться, они работали ровно столько, сколько им хотелось, и все же зарабатывали, что им было нужно; у них был досуг для здоровой работы в саду или в поле – работы, которая сама уже была для них отдыхом, – и, кроме того, они имели еще возможность принимать участие в развлечениях и играх соседей; а все эти игры в кегли, в мяч и т. п. содействовали сохранению здоровья и укреплению тела. Это были большей частью люди сильные, крепкие, своим телосложением мало или даже вовсе не отличавшиеся от окрестных крестьян. Дети росли на здоровом деревенском воздухе, и если им и случалось помогать в работе своим родителям, то это все же

бывало лишь время от времени, и, конечно, о восьми– или двенадцатичасовом рабочем дне не было и речи»¹⁵.

Трудно сказать, что было дальше от истины, эта зарисовка или мрачная картина жизни внуков этих рабочих, описанная далее в книге. Энгельс ни на минуту не сомневался в причине, по которой произошло ухудшение условий труда. «Введение машин, – пишет он, – вызвало к жизни пролетариат»*. «Усовершенствование машин при современных социальных условиях может иметь для рабочих только неблагоприятные и часто очень тяжелые последствия; каждая новая машина приносит с собой безработицу, нужду и нищету»**, – утверждает он.

¹⁵ Engels F. The Condition of the Working Classes in England in 1844. London, 1892. (ΰĩäëüñ Õ. Положение рабочего класса в Англии // ìäðēñ Ê., ΰĩäëüñ Õ. Соч. 2-е изд. Т. 2. С. 244.) Энгельс продолжает: «Они были людьми „почтенными“ и хорошими отцами семейств, вели нравственную жизнь, поскольку у них отсутствовали и поводы к безнравственной жизни – кабаков и притонов поблизости не было, а трактирщик, у которого они временами утоляли жажду, сам был человек почтенный и большей частью крупный арендатор, торговал хорошим пивом, любил строгий порядок и по вечерам рано закрывал свое заведение. Дети целый день проводили дома с родителями и воспитывались в повиновении к ним и в страхе Божиим... Молодые люди росли в идиллической простоте и доверии вместе со своими товарищами по играм до самой свадьбы», и т. д. [Там же. С. 245. – Ðäü.]

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.